

Феликс Кохрихт

Стас Жалобнюк. На краю Ойкумены

Золото скифок

В 1988 году вышла повесть Ивана Ефремова «На краю Ойкумены», оказавшая на меня куда большее влияние, чем его блистательные фантастические романы, один из которых, «Лезвие бритвы», стал манифестом поколения моих сверстников – культурологов и футурологов. Если действие романа происходило в далеком будущем, то повесть погружала нас во времена Эллады и Древнего Египта. Сюжет был незамысловат – герой, молодой греческий скульптор, в поисках идеала красоты путешествует по тому миру, который был не только доступен эллинам, но и понятен им.

Этот мир, или Мир, был очерчен воображаемой волнистой линией, окаймляющей Средиземноморье – от греческого побережья да африканского, но имел и северо-восточную границу – от бережий нынешней Турции и Румынии до сегодняшней же

Аджарии, конечного пункта путешествий Одиссея и охотника за Золотым руном Ясона.

На меня, уже читавшего греческих историков, особое впечатление книга Ефремова произвела тем, что я впервые осознал: и мы, живущие нынче в Одессе, и те, кто населял Северное Причерноморье тысячелетия до нас, уже тогда относились к разумному человечеству, а не к существам с песьими головами или одноглазым циклопам...

А до нас здесь жили скифы – кочевники, воины, искусные в ратном деле, но не чуждые и любованию греческими краснофигурными сосудами, из которых пили черное тягучее вино, не разбавляя его водой, чем поражали греков – впрочем, как и штанами (эллины кутались в тоги). Водилось у них и золото – украшения, оружие, чаши, которые и составили

легендарный клад с трудной судьбой, достойной приключенческого романа.

«Золото скифов» – так обозначил Стас Жалобнюк выставку своих работ во Всемирном клубе одесситов. Действительно, этот благородный металл, вернее – отблеск небольших квадратов, пометивших сюжеты, придал работам некоторую торжественность и таинственность. Но главным для меня стало то, что Стас, который уже несколько лет увлечен наследием древнего народа, населявшего наши края, знающий топографию курганов, увлеченный артефактами и скифов, и эллинов, и трипольцев, не стал изображать скифских лучников и гончаров, нагружая ими холсты и картоны, создавая абрисы, орнаменты и объемы, а проникся таинственной сутью жизни тех, чьи мечи, стрелы, кувшины, гребни и диадемы из бронзы, глины, кости, золота сегодня – в музеях и тайных скронах...

Это золото могло входить в приданое знатных скифских девушек, которых выдавали за вождей и героев...

Не Рим, но мир!

...Я словно увидел тяжелые ожерелья и массивные браслеты на каменных статуях, найденных в скифских и сарматских курганах – на берегах Сада скульптур нашего Литературного музея. Здесь за месяц до вернисажа в ВКО открылась первая за весь карантин выставка: Стас Жалобнюк представил на ней работы, которые давали возможность познакомиться с кругом его нынешних интересов, увлечений и, думаю, разочарований.

Уже не в первый раз за годы дружбы с Жалобнюком – не удивился, а скорее убедился в том, что и сам он, и его работы подчас рождают странный эффект: изображения на них предстают как бы предвестниками моих будущих встреч и событий.

Подобное случилось и на этот раз: лишь через месяц я задумался над «скифским парадоксом» – в зале ВКО, и спустя время – сегодня, когда пишу об этом...

О чем была экспозиция в Литературном музее, не имевшая ни девиза, ни афиши? Подумал о Пушкине – ведь эти заметки вы-

ходят в июне, ко дню его рождения. Вспоминая лицейские годы, поэт признавался: «Читал охотно Апулея, а Цицерона не читал...».

Ни в коем случае не провожу прямую аналогию, но Стас, путешествуя с Алей по Риму, был увлечен и статуями императоров на Палатинском холме, и фресками с фигурами рабынь, услаждавших патрициев в термах Каракаллы...

Изыск виллы Боргезе и грубая мощь Колизея...

Многозначность коллажей, чистота графики, сочувствие и сомнение красок...

Пафос и эротика, ликование и скорбь...

Облики святых, тени грешных...

Рим – Вечный город, преемник Афин, силового центра Ойкумены древних.

И в XXI веке в него ведут если уже не все, то многие дороги – и виртуальные тоже, что важно для нас в месяцы, переходящие в годы ковидного карантина.

Не вспомню, кто первым произнес инвективу, схожую с заповедью: «Не Рим, но мір!». С точкою, как писали согласно старой орфографии, когда речь шла о Вселенной.

Вчера, сегодня и, по всей вероятности, завтра...

Здесь самое время уточнить, что на выставке в Литмузее далеко не все работы были так или иначе связаны или навеяны реалиями античности. Темы и стили, что вообще характерно для Жалобнюка, представляли разные стороны его дарования и сегодняшних приоритетов.

Разумеется, эти заметки – лишь о том, что я увидел и почувствовал из того, что прочувствовал и увидел на двух выставках Стаса Жалобнюка, которые сошлись в одной точке времени и пространства – на краю Ойкумены, что вовсе не обидно, а наоборот.

Фото Степана Алеяна

